

Теория и история культуры
Theory and history of culture

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-9-23>

УДК 008+2+94(470.1/.2)(045)

ББК 71.0+86.372+63.3(2)-7(21)

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. Н. М. Терехин
г. Архангельск, Россия

**«БОЖЬИ ДОРОГИ» РУССКОГО СЕВЕРА:
САКРАЛЬНАЯ ГИДРОГРАФИЯ
И ГИДРОСОФИЯ СЕВЕРНОГО ПЯТИРЕЧИЯ**

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-28-20502, URL: <https://rscf.ru/project/22-28-20502>

Аннотация: В статье представлены научные результаты начального этапа исследовательских работ по созданию тезауруса ключевых геокультурных концептов, образов и символов Русского Севера и Русской Арктики как культурного кода и символического ресурса пространственного развития Северного макрорегиона. Методология исследования основана на использовании методов и процедур семиотического анализа и герменевтики текстов традиционной культуры народов региона, а также произведений, входящих в цикл Северного сверхтекста русской литературы. В качестве базовой геокультурной константы, отображающей структуру физического и метафизического пространства (космоса) Севера и Арктики, выделен прасимвол (прафеномен) «Острова-Архипелага» и сопряженный с ним образно-символический ансамбль сакральной гидросферы («мировая река»). Речная сеть Севера, воспроизводившая древовидную топологию «мирового дерева», являла собой систему пространственных, социальных, сакральных ориентаций, лежавших в основаниях идентитета (самобытности) этнических и локальных сообществ региона. Сакральная гидрография определяла пути и направления славяно-русской (новгородской) колонизации «чуждого» Севера («финской Руси»), модели заселения и расселения, типы и формы поселений колонистов. Помимо «островной» и «речной» символики в статье представлен семантический анализ связанных с ней концептов и образов, значимых для построения тезауруса геокультурной символики Русского Севера и Русской Арктики («святость», «земствомир», «Северо-Восток», «сеть», «Дом Святой Софии»).

Ключевые слова: остров-архипелаг, сакральная гидрография, прасимвол, пространственное развитие, колонизация, Русский Север, Русская Арктика, тезаурусный подход

Информация об авторе: Николай Михайлович Терехин — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский музей центров

биологического разнообразия, Федеральный исследовательский центра комплексного изучения Арктики им. академика Н. П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук, пр. Никольский, д. 20, 163012 г. Архангельск, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-285X>

E-mail: terebihinn@mail.ru

Дата поступления статьи: 01.07.2022

Дата одобрения рецензентами: 31.10.2022

Дата публикации: 25.09.2023

Для цитирования: Терехин Н. М. «Божьи дороги» Русского Севера: сакральная гидрография и гидрософия Северного Пятиречья // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 9–23. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-9-23>

Актуальность, теоретическая и практическая значимость представленного исследования обусловлены его направленностью на решение комплекса фундаментальных проблем, связанных с разработкой новых теорий, концепций и стратегий освоения пространства Русского Севера и Русской Арктики, с опорой на константные, архетипические структуры нематериального культурного наследия этнических и локальных сообществ Северного макрорегиона, которые могут быть осмыслены в методологических проекциях тезаурусного подхода. Термин «тезаурус» (сокровище, сокровищница, хранилище) этимологически сопряжен со сферой сакрального и являет собой своего рода «дарохранительницу», «ковчег», «табернакль», в котором хранятся священные реликвии. В современных гуманитарных науках тезаурус определяется как «полный, систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средства ориентации в окружающей среде...» [19, с. 67]. Ядро тезауруса образует «культурная картина мира» как система ценностных ориентаций и культурных констант (наиболее устойчивые концепты) [13].

Геокультурный тезаурус есть сакральная карта мира, семантическая и ценностно-градуированная сеть которой определяет место человека в символическом пространстве его ойкумены. Тезаурус — иерархически устроенное хранилище сакральных (сокровенных) знаний о мире, его священный алфавит (код, словарь), запечатленный в константных («вечных») пространственных концептах, образах и символах. Подобное понимание тезауруса созвучно идеям «философского символизма» П. А. Флоренского, для которого «реальность всецело и насквозь символична, и мир — собрание двуединых, ноуменально-феноменальных явлений-символов. Задачей метафизика тогда оказывается упорядочить этот мир символов, увидеть его строение, раскрыть принцип его единства» [33, с. 183].

Метафизику «занимают все первосимволы как таковые, где бы они ни усматривались в реальности; она стремится узнать все множество их и, составив таким образом полный «алфавит мира», с его помощью расшифровать мир, прочесть Целокупную Реальность как Космос и как Пан-символ, объемлющий собою все символы. Тем самым она выступает как всеобщая систематика символов и полный курс практического символизма» [33, с. 184–185]. Практический символизм «тезауруса» определяет актуальные прикладные аспекты тезаурусного подхода как инструмента социального конструирования реальности, осмысления и организации социального проектирования [18, с. 95].

Современная стратегия пространственного развития России, полагающая в качестве своих ключевых целей «совершенствование системы расселения и терри-

ториальной организации экономики», предполагает учет этнокультурного фактора, защиту традиционного природопользования и образа жизни, сохранение природного и историко-культурного наследия [41]. Значимое место в разработке программ пространственного развития северных и арктических территорий России занимают труды известных российских географов-североведов — А. Н. Пилясова и Н. Ю. Замятиной [9, 10, 22, 23], сформулировавших «новую теорию освоения (пространства) Арктики и Севера», в которой делается «упор на локальное местное развитие, эндогенный фактор освоения» [10, с. 5]. По мнению авторов концепции, методология комплексного изучения процессов освоения территорий Севера и Арктики предполагает ряд исследовательских приоритетов, связанных с «анализом местного институционального капитала» (включая и символический); с исследованием эволюции (истории) местной системы расселения и сетки административно-территориального деления, с изучением структур «освоения, которые несут духовный и ценностный смысл для местного развития в прошлом и настоящем» [9, с. 21].

Авторы новой теории доместикации северных территорий указывают на то, что современные паттерны освоения арктического пространства порождают его точечную, локальную, платформенную, кластерную, «островную» конфигурацию: «В новой модели возникает предельно локализованный в пространстве контур новой хозяйственной территории-анклава, острова, платформы» [10, с. 62]. При этом следует отметить, что манифестируемая в новейших освоенческих дискурсах¹ островная топология Арктики и Субарктики имеет глубокие архаические истоки, коренящиеся в сакральном ландшафте и мифопоэтической карте мира коренных и старожильческих сообществ северного Края Земли. Исследуя траекторию развития локальных сообществ бореальной зоны Евразии, А. Н. Пилясов выявляет «нематериальные активы и ценности», накопленные населенниками северных таежных островов: «Как часто эти таежные острова, обособленные от столичной жизни, были географической периферией, но при этом центрами особой, богатой духовной жизни, духовных исканий. Здесь создавались северные монастыри, сюда приходили религиозные отшельники твердой и непреклонной веры, здесь возникали казацкие остроги. Ключевая особенность их доиндустриальной экономической истории состояла в том, что все виды хозяйственной деятельности возникали здесь на фундаменте сильной духовной веры: как хозяйство монастырей, как уклад староверов, как заимка казаков. Нематериальные активы и ценности были первичны, от них, из них прорастала местная экономика и возникал единый комплекс духовной и материальной деятельности. Но разве это не созвучно новой эпохе, экономике знания, с ее торжеством нематериальных активов и духовных ценностей? Значит, развитие таежных островных сообществ и возможно, и необходимо для России именно как духовных центров, как мест не технологических (для этого есть крупные городские центры), но духовных инноваций (исканий)» [23, с. 417–418].

Обсуждая вопрос о том, «есть ли будущее у сообществ северных таежных островов» в эпоху экономики знания [23, с. 417], следовало бы говорить не о «производстве духовности» и «духовных инновациях», но о воспроизводстве (возрождении, наследовании) духа традиции (институты, знания, ценности, символические ансамбли) северных и арктических социумов, геокультурной константой (Прасимволом) священного космоса которых являлся «остров» («архипелаг»): «Глубокая идентичность связывает оба акта: пробуждение души (внутренней жизни), ее рождение к ясному существованию во имя определенной культуры, и внезапное уразумение дали и глубины, рож-

¹ Устоявшийся термин; см. вышецитируемую работу.

дение *внешнего* мира при посредстве символа протяженности, свойственного только этой душе вида пространства, который отныне становится *прасимволом этой жизни* и определяет ее стиль и уклад ее истории, представляющий собою развивающееся экстенсивное осуществление ее интенсивных возможностей» [34, с. 265].

В культурной памяти локальных и этнических сообществ Русского Севера, закрепленной в исторических и топонимических преданиях, генезис сакрального островного ландшафта северных и арктических территорий связан как с хтонической мифологией, так и с мифологемами космогенеза, среди которых наиболее значимы мотивы «плавающих островов» и «окаменения». В этих преданиях воспроизводились события начальных времен и актуализировалась память о деяниях шаманов, культурных героев-первопредков, осваивавших геокультурное пространства Арктики и обустроивавших «первые» земли, зарождавшиеся в недрах первобытного хаоса водной стихии [36, 37]. Геокультурный прасимвол «острова-архипелага» есть ландшафтная порождающая модель-матрица усвоения и устройства пространства Русского Севера и Русской Арктики, восходящая к тринитарному богословию Русской Земли, запечатленному в тернарной структуре русского геософского идеационного кода — иерархической триаде идей (эйдосов) — «святости и священства», «царства», «земства» («мира») [28; 29].

Религиозная идея русского народа — Святая Русь, святость, достигаемая уже здесь, на грешной земле. В силу своих максималистских устремлений «здесь и сейчас», русский народ выбирает самое «сильное» пространство (Море) и самый кратчайший путь, ведущий в святые земли, к Богу (Восток). Эсхатологическая драма русского народа развертывается в пространстве хаоса и гармонии морской стихии как единственно приемлемой и конгениальной субстанции, соответствующей умиротворенному и смутному состоянию ландшафта русской души, взыскующей Града Небесного на путях, ведущих в страну Востока, которая располагается (обретается) в циркумполярных областях [2; 17]. Исход русского народа к Морю и Востоку завершается на берегах Студеного моря-океана, на самом северном пределе русской ойкумены — в Лукоморье, в мифологической географии которого отчетливо проступает образ центра мироздания (острова), воплощенного в вертикали мировой горы («лукоморские горы»), окруженной водами океана (реки) [6, 24]. Поэтому путь русского народа к Морю и Северу — это тернистая и опасная дорога восхождения к высотам мироздания, к тем полюсным пределам, где воды земного океана сливаются с водами океана небесного и где искомый паломниками мистический Восток открывается на крайнем Севере: «Это Поиск того Востока, о котором мы узнаем от других или догадываемся сами, что он не находится и не может находиться на наших географических картах. Этот Восток не входит ни в один из семи климатов (кешвар); он, по сути дела, представляет собою восьмой климат. И направление, в котором осуществляются поиски этого «восьмого климата», является не горизонтальным, а вертикальным. Этот мистический, сверхчувственный Восток, место Зарождения и Возвращения, цель вечного Поиска, есть ничто иное, как небесный полюс; это Полюс с заглавной буквы, крайний север, столь крайний, что его можно считать порогом «инобытийного» измерения. <...> Orient, искомый мистиком, Восток, не находящий себе места на наших картах, расположен в направлении севера, по ту сторону севера. Приблизить нас к этому космическому северу, избранному как точка ориентации, может лишь движение, направленное вверх» [12, с. 18–19].

Мистический Северо-Восток (Норд-Ост), где зарождается «Полуношник» — судьбоносный ветер поморской «розы ветров» и «Бора» — «жгучий ветр полярной преисподней» (М. Волошин), в русской геософии и геопозитике наделяется сакральным смыслом путеводного ориентационного геокультурного символа-кода, в котором зашифрована судьба России [17, с. 26]. Северо-восточные румбы землепроходческого движения русского народа в Сибирь — за «Камень» (Урал), «хожения» русского народа «за три моря» направляли его не по широким торным дорогам навстречу обыденному дневному Солнцу географического Востока, но по узкому нуминозному неведомому пути «встречь» полуночному Солнцу сверхчувственного духовного Востока, на поиски которого отправлялись великие «мифо-мыслители» и «мифо-творцы» северного текста русской культуры (С. Н. Дурылин, М. М. Пришвин, А. М. Ремизов, С. Г. Писахов, Б. В. Шергин).

Арктическое Средиземноморье² с его пространной, насыщенной островной географией и геоморфологией, по аналогии с классическим «средиземным» Эгейским морем с его россыпью островов, может быть именовано «Архипелагом» как «главным» или «изначальным» морем («Арктический архипелаг»). Архипелажный прасимвол Русского Севера и Русской Арктики выявляет морское (водолейское) и северное (гиперборейское) избранничество и предназначение России, которые наиболее очевидным образом прослеживаются в те периоды русской истории, которые пронизаны идеологемами и мифологемами строительства новой российской государственности как воплощения «имперской» (вселенской) концепции «Москва — третий Рим». Здесь уместно вспомнить значимость морских и северных ориентаций в царском ритуале призвания варягов, в геополитике Ивана Грозного, Петра Великого, Александра III [6], которые гениально прозревали незримые гиперборейские метагеографические очертания российского каменно-островского материка-континента, окруженного водами мирового океана.

Геософский образ России как материка-острова, утвержденного среди вод «семи морей», особое островное самосознание русского народа обрели глубину своего воплощения на Русском Севере, преображенном в святое царство Северной Фиваиды, истинным духовным центром которой стали островные монастыри. В их архитектурно-природных ансамблях претворены центральные для поморской религиозности образы «Преображения», «Корабля», «Камня Веры и Правды», «Якоря Спасения», «Земли Обетованной» и «Пристанища» [27, с. 114].

Если «остров» воплощает в своем геоморфологическом лике идею центра мира («точка») и его периферии («круг»), то геометрическая символика архипелага дополняется изображением спиц, лучей или радиусов, исходящих «из центра и достигающих окружности» [5, с. 89]. В метагеоморфологии архипелага лучи и спицы колеса «всемирного коловращения» превращаются в архипелажные воды (море, реки, топи, болота и т. д.), окружающие остров, разделяющие и одновременно соединяющие его части с центром мира и его океанической периферией. Наиболее мощным геокультурным символом «нераздельности» и «неслиянности» островов Русского Архипелага является «русская река» как «Божья дорога», проторенная очарованными странниками — паломниками в страну Востока и героями-первопроходцами северного фронта.

Великий русский историограф В. О. Ключевский, исследуя роль «основных стихий природы русской равнины» (лес, степь, река) в домостроительстве русской души, отмечал двусмысленность «лесного» и «степного» начал в составе русского харак-

² Устоявшийся термин (см.: [23]).

тера, география которого вписана в гидрографию и гидрософию русской реки [11, т. 1, с. 85–86]. Геософские интуиции В. О. Ключевского получили развитие в современной геополитической концепции России, как речной акватической цивилизации: «Русский человек живет на реке и живет рекой. Наша цивилизация может быть по праву определена как речная. Россия представляет собой пространство переплетенных друг с другом и соединенных волоками речных бассейнов. Они омывают со всех сторон и пронизывают собой, словно каналы, все русское пространство. По сути, Россия представляет собой остров, или, если угодно, архипелаг, стоящий на водах и собранный речными коммуникациями. Границы Русского Острова простираются до тех пределов, куда добираются русские реки или же связанные с ними озера и моря» [32, с. 48].

Если расселение славяно-русских колонистов, осваивавших земноводные пространства Севера и Арктики, связано с широким, открытым простором прибрежной полосы главных речных (морских) магистралей Поморья, то кормящим (порождающим) ландшафтом местных аборигенных финно-угорских этноцентрумов Бьярмаланда («крайней», «медвежий» земли) [20] являлась лесная, водно-болотная ойкумена, определившая геокультурный образ страны чудских насельников «северных таежных островов» как «лесного», «колдовского царства», мифопоэтика которого воспета в литературной северной саге «Биармия», рожденной колдовским мифотворческим гением «зырянского Ломоносова» — К. Ф. Жакова: «Такое понимание Леса, несомненно, восходит к мифологическим представлениям коми, где Вөр-ва, букв. Лес-Вода, — обобщенное понятие Леса, включающее в себя все, что находится в лесу вместе с реками, озерами, ручьями и существами, которые обитают в нем. Лес сам по себе выглядит как огромное мыслящее живое существо, населенное живыми, разумными обитателями *вөр-ва олысьяс*: деревьями, животными, духами леса и воды» [16, с. 51].

Значимый вклад в осмысление метафизики водных глубин священного космоса Русского Севера (Поморья) «как мифопоэтического пространства, таящего в себе в “запечатленном” виде загадку русской жизни, русской истории, русской культуры, русской духовности, самой души России, а также тайну русского поэтического слова» вносят исследования в области «северного сверткста русской литературы» [4, с. 126]. Проблемам воздействия речного ландшафта на становление материальных сфер традиционной культуры народов Севера и Сибири, на формирование их этнического менталитета, включающего ритуально-мифологические модели и символические ансамбли, посвящено проектное фундаментальное исследование «Реки и народы Сибири», проведенное научным коллективом Отдела этнографии Сибири МАЭ (Кунсткамера) РАН [26].

Основополагающее место в освоении и устройстве земноводного геокультурного пространства Русского Севера (Поморья) занимала Ладожско-Новгородская Русь (метрополия), представлявшая собой плавильный котел и территорию исторического диалога скандинавской, балто-славянской и финно-угорской этнических традиций, «матричный» исходный центр колонизации северных таежных островов лесной «финской Руси» (А. Блок). Известный российский исследователь этнографии и антропологии народов Севера и Арктики — А. В. Головнев, труды которого заложили основы новых теорий и направлений в науках гуманитарного цикла («Антропология движения», «Феноменология колонизации», «Новая этнография Севера»), изучая истоки, механизмы, сценарии и стили новгородской колонизации северного Края Земли, отмечал, что «на Волхове произошел синтез локальной (славянской) и магистральной (норманнской) культур. <...> Ладога была восточной гаванью «морских кочевников», Нов-

город стал столицей «речных кочевников». Переход Рюрика через Волховские пороги из Ладоги на Ильмень имел эпохальные последствия, поскольку привел к сложению магистральной северорусской (новгородской) культуры» [7, с. 190–191].

В своих исследованиях магистралей Северной Руси А. В. Головнев раскрывает сетевые принципы и модели новгородской колонизации территорий и акваторий полуночных стран: «Новгородская колонизация напоминала плетение тонкой паутины <...>. В этом колониальном круговороте Новгород был сборной колонией Новгородской земли, а Новгородская земля — сетью колоний Новгорода. Метрополия создавала на окраинах “новгородской ойкумены” свои копии, которые в свою очередь генерировали свои сети коммуникаций. Таким образом, сеть порождала сеть, причем в разных, в том числе, встречных, направлениях, и становилась многослойной» [7, с. 214].

«Сеть» — это один из ключевых концептов-образов тезауруса геокультурного пространства, сопряженных с гетерархией севернорусских «вечевых» миров-земств, сакральная топография которых сопоставляется с топологией гидрографической сети Поморья³. Исследователь истории и географии земского самоуправления на Русском Севере М. М. Богословский указывает на принципиальное отличие картографической семиотики и картографического дизайна ментальных карт административно-территориального устройства Поморья в золотой век наивысшего расцвета соборной земской традиции и в период царствования великого преобразователя России — Петра Первого, устроившего регулярную, расчерченную по линейке, геометрически правильную российскую государственность и общественность⁴. «Административная карта Поморья в XVII в. — это причудливый узор, выведенный историей, создававшей местные разнообразия, а не геометрический чертеж, построенный законодателем, руководившимся началом единства и стиранием все местные особенности. <...> Стоит взглянуть на карту Поморья, чтобы понять, как чисто естественным путем слагалось там уездное деление. Еще и теперь при взгляде на эту карту мы видим огромные пустые пространства, покрытые лесами и болотами, среди которых узкими извилистыми лентами вытянулись заселенные пространства по берегам рек. В XVII в. это явление можно наблюдать еще в более резкой степени. Реки, как единственное тогда средство сообщения и были линиями, определявшими административное деление севера, были канвой, по которой располагались границы административных округов. Группа поселков, вытянувшихся по берегам небольшой реки, образует мелкую областную единицу — погост, стан, волость, приход. Бассейн большой реки с ее притоками, по берегам которых расположились эти волости и станы, образует уезд; так что в Поморье территория уезда, это — система большой реки с ее притоками. Уезд — как бы живой организм со стеновою нитью и с нервными разветвлениями, расходящимися от нее в обе стороны» [1, с. 9–10].

Севернорусский уезд как «живой организм» являет собой соборное тело (собрание, «съезд») отдельных миров-островов, собранных воедино «кровеносной» гидрографической сетью — своего рода системой сакральных координат, размеряющих и направляющих жизненный путь человека по циклической траектории мифа о вечном возвращении [35]. Севернорусский мир-уезд как идеальная форма социальной и религиозной организации местного речного сообщества, сакральное пространство которого собрано было вокруг соборного храма уездного города, являл собой своего рода «младший» город-государство (полис) — копию («выставку») старшего города — Господина

³ См. ссылку на работы Богословского.

⁴ См. цитату ниже.

Великого Новгорода [21] с его главной святыней — соборным храмом Святой Софии («Где София, там и Новгород») у истоков «мировой реки» Волхов, гидрография которой соотнесена с «основным мифом» о космическом поединке как ритуально-мифологической парадигмой вечевых кулачных боев, разгоравшихся в Новгороде на мосту через Волхов. Историческое предание связывает происхождение вечевых междоусобиц с временами Крещения Руси, когда новгородцы «сбросили идол Перуна в Волхов, рассерженный бог, доплыв до моста, выкинул на него палку со словами: “Вот вам, новгородцы, от меня на память”. С тех пор новгородцы в урочное время сходятся с палками на волховском мосту и начинают драться как бешеные» [11, т. 2, с. 66]. «Перуново заклятье», породившее ритуал кулачного боя на волховском мосту несомненно связано с сюжетом мифа о борьбе громовержца (Перуна) с его противником (Волосом), имя которого закреплено в сакральном гидрониме «Волхов» [31]. Мотивы и образы речного мифа отчетливо прослеживаются в масленичных ритуальных состязаниях, проходивших в Олонецкой губернии на берегу реки [39, с. 286–287]. Ритуальный поединок, завершившийся кулачным боем, строился на пространственном противопоставлении «верха» и «низа» реки, которое определяло «враждебный» характер отношений между жителями верхнего и нижнего концов деревни, между деревнями, расположенными в верховьях и низовьях реки («верховские» и «устьяне»). «Враждебность» речного верха и низа воплощалась не только в действенных, но и в словесных поединках, включавших взаимные оскорбления осмеяния, уничтожения [8].

Исследовательница гидрографической сети как системы пространственной, социальной и ритуальной ориентации в архаической модели мира эвенков А. Лаврилье пришла к выводу о том, что «определяя свою идентичность, эвенк выдает комплексное уравнение, в котором смешивается генеалогия, фамилия, родовое наименование, названия рек и притоков» [14, с. 121]. В этноцентруме эвенков «занять место в пространстве, означает зафиксироваться в схеме родства своей региональной группы, в этой вездесущей структуре, которую образует гидрографическая сеть» [14, с. 120].

Древовидная топология гидрографической сети превращала северную реку в генеалогическое (родовое) «мирское» древо, на листьях и коре которого начертаны судьбы мира (местного земского сообщества) и отдельных мирян, определены их места (узлы) в местнической иерархии сакрального пространства речного мира, выступавшего в ипостаси ономотета — установителя имен, и номотета — установителя «всемирского» закона и порядка, построенного вокруг недвижимого движителя. (Ось Мира) — вертикали «мировой реки» с особо маркированными зонами «верха» и «низа».

Новгородские колонисты, оседая на водных (речных) путях-дорогах лесной «финской Руси», становясь заволочскими поречанами, паозерами, поморянами, занимали свои «предначертанные места» (место-имения) на гидрографической карте своего «нового Новгорода», получали свои новые локальные (местные) речные имена («движняне», «пинезжане», «онежане», «кокшары», «ваганы», «устьяна», «сурыяна», «тоймичи», «нюхча» и т. д.) [29], которые раскрывали и закрепляли душевное «именное» сродство «чертежа», характера реки и сидящих на ней поречан.

Великий русский писатель, философ, священник и богослов С. Н. Дурьлин, совершивший ряд академических экспедиционных поездок — паломнических путешествий по Русскому Северу в поисках мистической тайны гиперборейской страны Полуночного солнца («Града Незримого») [25], указывал на конгениальность ментальных лоций северных рек очертаниям и мерности их культурно-антропологического ландшафта. «У каждой реки есть задушевное сходство с тем, кто на ней живет. <...>

А Северная Двина тиха, проста, строга, молчалива, сильна. <...> Двинец, архангелец или северный вологжанин, нетороплив, как будто замкнут <...>. В нем есть что-то близкое, одинаковое с этой рекой — еще чистой, еще глубокой, сурово-величавой, ясной, еще оберегаемой глухими лесами, такой молчаливой, такой прекрасной» [38, с. 157–158].

Геокультурный образ гидрографической сети Севера и Арктики явился композиционным принципом-канвой «плетения» фольклорных текстов в книге О. Э. Озаровской «Пятиречие»: «Начинается книга, называемая “Пятиречие”, в которой заключается пятьдесят сказок, рассказанных пятью человеками, жившими на берегу одной из пяти северных рек» [40, с. 23]. Несмотря на очевидные литературные истоки, сказовый образ «Северного Пятиречия» содержит весьма архаичные мифо-поэтические коннотации, отсылающие к Пятикнижию, к меандровой сети пяти священных ведических рек Индии, к пятиричной организации вечевого пространства Новгорода — пять концов, к которым тянулись «пятины» — расходившиеся кругами по всему Северу и Западу «нового» (новгородского) русского мира земли Дома Святой Софии [21], к речной (океанической) топографии Земного Рая с его четырьмя реками, берущими начало в водах пятой («небесной») реки — океана.

С глубокой архаикой сопряжен мотив реки и речи: «Связь реки с речью принадлежит к числу архетипических образов» [30, с. 375]. Выявлению этой связи посвящено небольшое эссе А. Синявского (А. Терца), которое было навеяно впечатлениями от путешествия по рекам Русского Севера и в котором развернута ландшафтная топография разных жанров русского фольклора: «Не знаю, как в других странах, но в России реки связаны с песней. Сказка уходит в лес. Былина (героический эпос) выезжает в чистое поле (на подвиг). А песня тяготеет к воде, к реке. Само определение река, на русский слух, предполагает речь, которая текуча, певуча» [42, с. 233]. Слиянность реки (воды) и речи имеет амбивалентную природу. С одной стороны, речь порождается, проистекает из священного акустического шума и хаоса водного источника, у которого свершаются экстатические прорицания, речения, предсказания, гадания, слушание звуков Судьбы. С другой — речь (слово) космизирует, умиротворяет хаос водной стихии («пением в старину на Руси смиряли бурю на водах»).

В поморском дружинном социуме миссию усмирителя водной стихии исполнял Поэт (сказитель, старинщик), который ритмами своего былинного музыкально-поэтического слова «утишает» море [43]. Поэт как носитель обожествленной памяти являлся главным хранителем сакрального морского знания и водителем поморов по смертным просторам моря-океана. Поэтому на корабле он выполняет роль кормщика, лоцмана («вожа»), а сама былина может рассматриваться как своеобразная мифопоэтическая лоция, в которой описывается священная океанография Лукоморья [27]. Хранителями и экзегетами священной гидрографии и гидрософии Русского Севера и Русской Арктики являлись поморские кораблестроители и поэты-навигаторы (кормчие), которые своим корабельным искусством и поэтическим мироустроительным словом исследовали и торили «Божью дорогу» в Арктическом Средиземноморье.

Список литературы

Исследования

- 1 Богословский М. Земское самоуправление на Русском Севере. М.: Синодальная тип., 1909. Т. 1. 105 с.

- 2 *Буткевич А.* Религиозный смысл движения русских на Восток в XVII–XVIII веках // Имперский архив. URL: <http://archive-khvalin.ru/predel-rossii/> (дата обращения: 07.04.2023).
- 3 *Власова И. В.* Русский Север: историко-культурное развитие и идентичность населения. М.: ИЭА РАН, 2015. 376 с.
- 4 *Галимова Е. Ш.* Специфика Северного текста русской литературы как локального сверхтекста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: «Гуманитарные и социальные науки». 2012. № 1. С. 121–129.
- 5 *Генон Р.* Символы священной науки. М.: Беловодье, 2002. 496 с.
- 6 *Головнев А. В.* Северность России. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера), 2022. 449 с.
- 7 *Головнев А. В.* Феномен колонизации. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2015. 592 с.
- 8 *Дранникова Н. В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск: Изд-во Пензенского государственного ун-та, 2004. 431 с.
- 9 *Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н.* Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 5–27.
- 10 *Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н.* Освоение Севера 2.0: вызовы формирования новой теории // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 57–76.
- 11 *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 430 с. М.: Мысль, 1987. Т. 2. 447 с.
- 12 *Корбен А.* Световой человек в иранском суфизме. М.: ООО «Сандра», 2013. 240 с.
- 13 *Кузнецова Т. Ф.* Культурная картина мира как ядро тезауруса в концепции Владимира Андреевича Лукова // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. № 3. С. 5–16.
- 14 *Лаврилье А.* Ориентация по рекам у эвенков юго-востока Сибири. Система пространственной, социальной и ритуальной ориентации // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. 115–132.
- 15 *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
- 16 *Лимеров П. Ф.* Поэма о древнем Знании: литературный эпос «Биармия» в поэтической мифологии Калистрата Жакова // Человек. Культура. Образование. 2014. № 3. С. 37–58.
- 17 *Лотман М.* О семиотике страха в русской культуре // Семиотика страха: сб. ст. / сост. Н. Букс, Ф. Конт. Париж; М.: Русский институт, 2005. С. 13–35.
- 18 *Луков Вал. А., Луков Вл. А.* Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 93–100.
- 19 *Луков Вал. А., Луков Вл. А.* Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2008. 784 с.
- 20 *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения (тексты, перевод, комментарии). М.: Наука, 1986. 230 с.
- 21 *Мусин А. Е.* Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. 240 с.

- 22 *Пилясов А. Н.* Арктическое Средиземноморье: предпосылки формирования нового макрорегиона // ЭКО. 2010. № 12. С. 54–75.
- 23 *Пилясов А. Н.* И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 544 с.
- 24 *Плигузов А. И.* Текст-кентавр о сибирских самоедах // Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: в 2 ч. / отв. ред. В. А. Лапшин. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. Ч. I. С. 102–116.
- 25 *Резниченко А. И., Резвых Т. Н.* Метафизическая проза С. Н. Дурьлина. Истоки и параллели // *Дурьлин С. Н.* Рассказы, повести, хроники / сост. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 3–46.
- 26 Реки и народы Сибири: сб. научн. ст. / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: Наука, 2007. 281 с.
- 27 *Теребихин Н. М.* Метафизика Севера. Архангельск: СОЛТИ, 2020. 516 с.
- 28 *Теребихин Н. М.* Сакральная география Русского Севера: (религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск: Изд-во Поморского международного педагогического ун-та, 1993. 220 с.
- 29 *Топоров В. Н.* Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре — *svet- // Языки культуры и проблемы переводимости / отв. ред. Б. А. Успенский. М.: Наука, 1987. С. 184–252.
- 30 *Топоров В. Н.* Река // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 374–376.
- 31 *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. 248 с.
- 32 *Холмогоров Е. С.* Русская цивилизация. Категории понимания // Тетради по консерватизму. 2016. № 3. С. 39–63.
- 33 *Хоружий С. С.* Философский символизм П. А. Флоренского и его жизненные истоки // Историко-философский ежегодник. 1988 / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М.: Наука, 1988. С. 180–201.
- 34 *Шпенглер О.* Закат Европы. Ростов-н/Д: Феникс, 1998. 640 с.
- 35 *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. М.: Ладомир, 2000. 414 с.
- 36 *Ovsyannikov O. V., Terebikhin N. M.* Sacred Space in the Culture of the Arctic Regions // Sacred Sites, Sacred Places / ed. by L. Heinamaki, Th. M. Herrmann. London; New York: Springer, 1994. P. 44–81.
- 37 *Tamitskiy A. M., Terebikhin N. M.* Island as a memorial site in the sacral landscape of the Arctic regions of the Russian North // 2019 IOP Conference Series: «Earth Environ». Sci. 302012034. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/302/1/012034> (дата обращения: 13.06.2022).

Источники

- 38 *Дурьлин С. Н.* За полуночным солнцем (По Лапландии пешком и на лодке) // Дурьлин С. Н. Статьи и исследования. 1900–1920 гг. / сост. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 149–272.
- 39 *Максимов С. В.* Из очерков народного быта: Крестьянские календарные праздники // Максимов С. В. Литературные путешествия / сост. Ю. В. Лебедев. М.: Современник, 1986. С. 244–371.

- 40 Озаровская О. Э. Пятиречие // Озаровская О.Э. Пятиречие / сост. Л.В. Федорова. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1989. С. 21–242.
- 41 Стратегия пространственного развития Российской Федерации // Government.ru. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 13.06.2022).
- 42 Терц А. Река и песня // Дружба народов. 1990. № 10. С. 233–241.
- 43 Шергин Б. В. Изящные мастера: поморские былины и сказания / сост. Ю. Ф. Галкин. М.: Молодая гвардия, 1990. 430 с.

***

© 2023. Nikolay M. Terebikhin

**“GOD’S ROADS” OF THE RUSSIAN NORTH:
SACRED HYDROGRAPHY AND HYDROSOPHY
OF THE NORTHERN PYATIRECHYE**

Acknowledgements: The research was supported by Russian Science Foundation and Government of Arkhangelsk Region (project no. 22-28-20502). Available at: <https://rscf.ru/project/22-28-20502>.

Abstract: The paper displays results of the initial stage of research on the creation of a thesaurus of key geocultural concepts, images and symbols of the Russian North and the Russian Arctic as a cultural code and symbolic resource of spatial development of the Northern macroregion. The research methodology is based on semiotic analysis and hermeneutics of texts of the traditional culture of the region’s peoples, as well as works included in the Northern supertext of Russian literature. The “Island-archipelago” prasympol and associated image-symbolical ensemble of the sacred hydrosphere (“world river”) are identified as a basic geocultural constant reflecting the structure of physical and metaphysical space (cosmos) of the North and the Arctic. The river network of the North, reproducing the tree-like topology of the “world tree”, acted as a system of spatial, social, and sacred orientations underlying the identity of ethnic and local communities of the region. Sacred hydrography determined the ways and directions of the Slavic-Russian (Novgorod) colonization of the Chud’ north (“Finnish Rus”), colonization models, types and forms of colonists’ settlements. In addition to the “island” and “river” symbols, the study provides a semantic analysis of related concepts and images, relevant for building a thesaurus of geocultural symbols of the Russian North and the Russian Arctic (“holiness”, “zemstvo-world”, “Northeast”, “network”, “House of St. Sophia”).

Keywords: Island-archipelago, Sacred Hydrography, Prasympol, Spatial Development, Colonization, Russian North, Russian Arctic, Thesaurus Approach.

Information about the author: Nikolay M. Terebikhin — DSc in Philosophy, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 20 Nikolsky Ave., 163020 Arkhangelsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-285X>

E-mail: terebihinn@mail.ru

Received: July 1, 2022

Approved after reviewing: October 31, 2022

Date of publication: September 25, 2023

For citation: Terebikhin N. M. "God's Roads' of the Russian North: Sacred Hydrography and Hydrosophy of the Northern Pyatirechye." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 69, 2023, pp. 9–23. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-9-23>

References

- 1 Bogoslovskii, M. *Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe [Zemstvo System of Local Government in the Russian North]*, vol. 1. Moscow, Synodal Printing House Publ., 1909. 105 p. (In Russ.)
- 2 Butkevich, A. "Religiozniy smysl dvizheniia russkikh na Vostok v XVII–XVIII vekakh" ["The Religious Meaning of the Russian Movement to the East in the 17th–18th Centuries"]. *Imperskii arkhiv [Imperial Archive]*. Available at: <http://archive-khvalin.ru/predel-rossii/> (Accessed 13.07.2022). (In Russ.)
- 3 Vlasova, I. V. *Russkii Sever: istoriko-kul'turnoe razvitie i identichnost' naseleniia [Russian North: Historical and Cultural Development and Identity of the Population]*. Moscow, IEA RAS Publ., 2015. 376 p. (In Russ.)
- 4 Galimova, E. Sh. "Spetsifika Severnogo teksta russkoi literatury kak lokal'nogo sverkhsteksta" ["Specificity of the Russian Literature' Northern Text as a Local Supertext"]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Series: "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki"*, no. 1, 2012, pp. 49–57. (In Russ.)
- 5 Genon, R. *Simvoly sviashchennoi nauki [Symbols of Sacred Science]*. Moscow, Belovod'e Publ., 2002. 496 p. (In Russ.)
- 6 Golovnev, A. V. *Severnost' Rossii [Nothernness of Russia]*. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Publ., 2022. 449 p. (In Russ.)
- 7 Golovnev, A. V. *Fenomen kolonizatsii [The Phenomenon of Colonization]*. Yekaterinburg, Ural Branch of the RAS Publ. 592 p. (In Russ.)
- 8 Drannikova, N. V. *Lokal'no-grupповые prozvizhcha v traditsionnoi kul'ture Russkogo Severa. Funktsional'nost', zhanrovaia sistema, etnopoetika [Local Group Nicknames in the Traditional Culture of the Russian North. Functionality, Genre System, Ethnopoetics]*. Arkhangelsk, Pomor State University Publ., 2004. 431 p. (In Russ.)
- 9 Zamiatina, N. Iu., Piliarov, A. N. "Novaia teoriia osvoeniia (prostranstva) Arktiki i Severa: polimasshtabnyi mezhdistsiplinarnyi sintez" ["The New Theory of the Arctic and Northern Development: Multi-Scale Interdisciplinary Synthesis"]. *Arktika i Sever*, no. 31, 2018, pp. 5–27. (In Russ.)
- 10 Zamiatina, N. Iu., Piliarov, A. N. "Osvoenie Severa 2.0: vyzovy formirovaniia novoi teorii" ["Development of the North 2.0: Challenges of Making a New Theory"]. *Arktika i Sever*, no. 34, 2019, pp. 57–76. (In Russ.)
- 11 Kliuchevskii, V. O. *Sochineniia: v 9 t. [Works: in 9 vols.]*, ed. by V. L. Iarin. Moscow, Mysl' Publ., 1987. Vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 430 p. Moscow, Mysl' Publ., 1987. Vol. 2. 487 p. (In Russ.)
- 12 Korben, A. *Svetovoi chelovek v iranskom sufizme [The Man of Light in Iranian Sufism]*. Moscow, OOO "Sandra" Publ., 2013. 240 p. (In Russ.)
- 13 Kuznetsova, T. F. "Kul'turnaia kartina mira kak iadro tezaurusu v kontseptsii Vladimira Andreevicha Lukova" ["Cultural World View as the Core of the Thesaurus in Vladimir Andreevich Lukov's Conception"]. *Informatsionnyi gumanitarnyi portal "Znanie. Ponimanie. Umenie"*, no. 3, 2015, pp. 5–16. (In Russ.)

- 14 Lavril'e, A. "Orientatsiia po rekam u evenkov iugo-vostoka Sibiri. Sistema prostranstvennoi, sotsial'noi i ritual'noi orientatsii" ["Orientation by Rivers among the Evenki of Siberian South-East: The System of Spatial, Social, and Ritual Orientation"]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, 2010, pp. 115–132. (In Russ.)
- 15 Lebedev, G. S. *Epokha vikingov v Severnoi Evrope i na Rusi [The Viking Age in Northern Europe and Rus]*. St. Petersburg, Evraziia Publ, 2005. 640 p. (In Russ.)
- 16 Limerov, P. F. "Poema o drevnem Znani: literaturnyi epos 'Biarmiia' v poeticheskoi mifologii Kallistrata Zhakova" ["Poem of the Ancient Knowledge: Literary Epic 'Biarmia' Poetic Mythology Callistratus Zhakov"]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*, no. 3, 2014, pp. 37–58. (In Russ.)
- 17 Lotman, M. "O semiotike strakha v russkoi kul'ture" ["On the Semiotics of Fear in Russian Culture"]. *Semiotika strakha. Sbornik statei [Semiotics of Fear. Collection of Articles]*, comp. N. Bux, F. Kont. Paris, Moscow, Russkii institute Publ., 2005, pp. 13–35. (In Russ.)
- 18 Lukov, Val. A., Lukov, Vl. A. "Tezaurusnyi podkhod v gumanitarnykh naukakh" ["The Thesaurus Approach in the Humanities"]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, 2004, pp. 93–100. (In Russ.)
- 19 Lukov, Val. A., Lukov, Vl. A. *Tezaurusy: Sub"ektnaia organizatsiia gumanitarnogo znaniia [Thesauruses: Subject Organization of Humanitarian Knowledge]*. Moscow, National Institute of Business Publ., 2008. 784 p. (In Russ.)
- 20 Mel'nikova, E. A. *Drevneskandinavskie geograficheskie sochinenija (teksty, perevod, kommentarii) [Old Norse Geographical Works (Texts, Translation, Comments)]*. Moscow, Nauka Publ., 1986. 230 p. (In Russ.)
- 21 Musin, A. E. *Zagadki doma Svjatoj Sofii: Cerkov' Velikogo Novgoroda v X–XVI vv. [Mysteries of the St. Sophia' House: The Church of Veliky Novgorod in the 10th–16th Centuries]*. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2016. 240 p. (In Russ.)
- 22 Piliasov, A. N. "Arkticheskoe Sredizemnomor'e: predposylki formirovaniia novogo makroregiona" ["Arctic Mediterranean: Prerequisites for the Formation of a New Macroregion"]. *EKO*, no. 12, 2010, pp. 54–75. (In Russ.)
- 23 Piliasov, A. N. *I poslednie stanut pervymi: Severnaia periferiia na puti k ekonomike znaniia [And the Last will be the First: Northern Periphery on the Route for Knowledge Economy]*. Moscow, Knizhnyi dom "LIBROKOM" Publ., 2009. 544 p. (In Russ.)
- 24 Pliguzov, A. I. "Tekst-kentavr o sibirskikh samoedakh" ["Text-Centaur about Siberian Samoyeds"]. *Arkheologiia Severa Rossii: Iugra — volost' Novgoroda Velikogo v XI–XV vv. Svod istochnikov i issledovani: v 2 chastiakh [Archeology of the North of Russia: Yugra — the Volost of Novgorod the Great in the 11th–15th Centuries. Collection of Sources and Research: in 2 Parts]*, ed. by V.A. Lapshin, vol. 2. Surgut, Nefteyugansk, Ekaterinburg, Izdatel'skaia gruppa ANO "Institut arkheologii Severa" Publ., 2018, pp. 102–116. (In Russ.)
- 25 Reznichenko, A. I., Rezvyh, T. N. "Metafizicheskaja proza S. N. Durylina. Istoki i paralleli" ["Metaphysical Prose of S. N. Durylin. Origins and Parallels"]. *Durylin, S. N. Rasskazy, povesti, hroniki [Stories, Novels, Chronicles]*, ed. A. I. Reznichenko, T. N. Resvyh. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., pp. 3–46. (In Russ.)
- 26 Pavlinskaia, L.R., editor. *Reki i narody Sibiri: sbornik nauchnykh statei [Rivers and Peoples of Siberia: Collection of Academic Papers]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 281 p. (In Russ.)

- 27 Terebikhin, N. M. *Metafizika Severa [Metaphysics of the North]*. Arkhangel'sk, SOLTI Publ., 2020. 516 p. (In Russ.)
- 28 Terebikhin, N. M. *Sakral'naiia geografiia Russkogo Severa: (religiozno-mifologicheskoe prostranstvo severnorusskoi kul'tury) [Sacred Geography of the Russian North: (Religious and Mythological Space of the Northern Russian culture)]*. Arkhangel'sk, Pomeranian International Pedagogical University Publ., 1993. 220 p. (In Russ.)
- 29 Toporov, V. N. "Ob odnom arkhainom indoevropeskome elemente v drevnerusskoi dukhovnoi kul'ture — *svet—" ["About an Archaic Indo-European Element in the Old Russian Spiritual Culture — *svet-"]. *Iazyki kul'tury i problemy perevodimosti [Cultural Languages and Problems of Translatability]*, ed. B. A. Uspenskii. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 184–252. (In Russ.)
- 30 Toporov, V. N. "Reka" ["River"]. *Mify narodov mira. Entsiklopediia v 2 t. [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia: in 2 vols.]*, ed. S. A. Tokarev, vol. 2. Moscow, Sovetskaia Entsiklopediia Publ., 1992, pp. 374–376. (In Russ.)
- 31 Uspenskii, B. A. *Filologicheskie razyskaniia v oblasti slavianskikh drevnostei [Philological research in the Field of Slavic Antiquities]*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1982. 248 p. (In Russ.)
- 32 Kholmogorov, E. S. "Russkaia tsivilizatsiia. Kategorii ponimaniia" ["Russian Civilization. Category of Conception"]. *Tetradi po konservatizmu*, no. 3, 2016, pp. 39–63. (In Russ.)
- 33 Khoruzhii, S. S. "Filosofskii simvolizm P. A. Florenskogo i ego zhiznennye istoki" ["The Philosophical Symbolism of P. A. Florensky and its Life Origins"]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik. 1988 [Historical and Philosophical Yearbook. 1988]*, ed. N. V. Motroshilova. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 180–201. (In Russ.)
- 34 Shpengler, O. *Zakat Evropy [The Decline of the West]*. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1998. 640 p. (In Russ.)
- 35 Eliade, M. *Mifo vechnom vozvrashchenii [The Myth of the Eternal Return]*. Moscow, Lodomir Publ., 2000. 414 p. (In Russ.)
- 36 Ovsyannikov, O. V., Terebikhin, N. M. "Sacred Space in the Culture of the Arctic Regions." *Sacred Sites, Sacred Places*, ed. L. Heinamaki, Th. M. Herrmann. London; New York, Springer Publ., 1994, pp. 44–81. (In English)
- 37 Tamitskiy, A. M. Terebikhin, N. M. "Island as a memorial site in the sacral landscape of the Arctic regions of the Russian North." *2019 IOP Conference Series: "Earth Environ"*. *Science 302 012034*. Available at: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/302/1/012034> (accessed 13 June 2022). (In English)